

The background of the entire image is a photograph of a multi-story residential building complex. The building on the left is white with blue accents around the windows. The building on the right is blue and white. In the foreground, there are bare trees and a small area of ground with some snow. A green rectangular box is overlaid on the right side of the image, containing the text.

Андрей Углицких

"ОКОВЫ ТЯЖКИЕ ПАДУТ..."

Повесть

Андрей Углицких

Оковы тяжкие падут. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23101008

ISBN 9785448381249

Аннотация

Сергей Эрлих (в статье «Декабристский миф в современной поэзии и прозе»): «...Андрей Углицких в повести „Оковы тяжкие падут...“ соединяет „Записки врача“ с „Одним днем Ивана Денисовича“. Рамкой повествования является рабочий день реаниматолога в ГУЛАГе новорусского потребления на его гламурном пике в канун экономического кризиса 2009 года...»

Содержание

«ОКОВЫ ТЯЖКИЕ ПАДУТ...»	5
1	6
2	13
3	24
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Оковы тяжкие падут

Повесть

Андрей Углицких

Фотограф Андрей Клавдиевич Углицких

© Андрей Углицких, 2017

© Андрей Клавдиевич Углицких, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-8124-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ОКОВЫ ТЯЖКИЕ ПАДУТ...»

Повесть

Доктор стоял на лестничной площадке и курил. Хлопнула дверь. Вышла соседка с мусором. Не здороваясь, протопала к мусоропроводу, громыхнула металлической, выдающейся, как у поэта Маяковского, вставной челюстью приемника и, выказывая силу, вбила, втиснула в разъятый зев поношу. Послышался гулкий прерывистый шум летящего в пропасть. Потом – стихло. Мусорные боги приняли жертву. Механический кишечник мусороустройства начал неутомимый, неспешный процесс утилизации, переваривания очередной порции «дарёнки»... Соседка молча прошла мимо. Хлопнула дверь. Наступила тишина.

Доктор курил и думал. О жизни. Хотя что о ней думать, и так ясно было, что – хреновая: минут за пять до описываемых событий он в очередной раз поцапался с женой. Началось, как всегда, с пустяка, с ерундовины сущей, а в итоге вышла полная жесть. Долота не уставал удивляться уникальной способности женщин из всего создавать проблемы, во всем видеть вторые, третьи, пятые смыслы... Их стремлению и умению влезть, что называется, под кожу, «развести на нервы», умелости и изобретательности в прессовании... За окном пошел снег.

«Бедные декабристы... Испоганили им, поди, чертовки каторгу всю! Не Сибирь у мужиков через них вышла,

а сплошное недоразумение!»

Под «чертовками» Долота имел в виду вторых половинок некоторых из родовитых государевых преступников того далекого 1825-го, всех их – и знаменитых, и не очень, – не устранившихся, не убоявшихся нравов и ужасов каторги. Внутренним зрением доктор Долота как бы увидел наяву стоящих на сибирском морозе несчастных аристократов. В Нерчинске, там, или в Якутске... «Во глубине сибирских руд», в общем, едва-едва скинувших кандалы дорожные... Выглядели порозовевшие на ядерном морозе страдалыцы оживленными, даже радостными, оттого что закончился тяжелый многомесячный этап, с ночевками в клоповниках пересылок и грубой бесцеремонностью конвоя. Представил их – даже не догадывающимися еще о том, что ожидает их вскоре, какой сюрприз предуготован уже изменчивой судьбой... И – от души посочувствовал изгоям. Во всяком случае, тем из них, до кого добрались, спустя некоторое время, неотступные в своих зловещих намерениях невесты и жены: «Скоро получите! Это вам не Следственная Комиссия, не равелин алексеевский и прочие петропавловские „курорты“, не Милорадович, которого можно вот так запросто пулькой с коника скovyрнуть!..» А ведь неспроста запрещали следовать дурам этим в Сибирь-город, добивать мужиков-то своих, ох, неспроста! Выходило, что уже тогда, даже при царизме проклятом, и то понимали, что нельзя, невозможно к наказанию официальному добавлять еще и «жен-

ский фактор»... Долота представил себе все, что выслушали от жен своих «долгорукие» и «волконские» за Сибирь свою многолетнюю, и почему-то поежился.

Загудел лифт. Надсадой электромоторов, шуршанием шкивов, ритмичными стуками тросовых барабанов, периодически случавшимися глухими ударами лифтовых кабин о какие-то выступы шахт на «проблемных» этажах, мешая Долоте думать, не давая сосредоточиться. Что-то очень важное зрело внутри Долоты, как нарыв. Но, словно не видя открытых настежь дверей, топталось где-то внутри, возле самого входа в сознание...

Он глянул в площадочное окно. Далеко внизу, там, в центре двора, как муравьи, сустились, копошились крошечные черные фигурки – дети лепили из свежавыпавшего снега бабу... Наблюдая за копошащимися в снегу детьми с высоты своего пятнадцатого этажа, Долота долго еще не мог выйти из темы: «Эх, досталось, конечно, мужикам – не приведи, Господи!...»

Сигарета горчила, как жизнь. Долота попробовал было пускать кольца табачного дыма, да не пошло что-то. Сигаретный дым змеился и, завиваясь, тянулся к потолку, чтобы растаять, кануть в никуда, без следа. Вздохнул, махнул рукой и поплелся в квартиру...

Все вещи и предметы из чего-то состоят. Вода – из водорода и кислорода, сера – просто из серы, воздух – вообще не что иное, как смесь газов. Николай Петрович Долота про-

центов на пятьдесят отлит был из червонного золота примерного семьянина, на пятнадцать – из неумного желания докопаться до жизненной правды, и на оставшиеся тридцать пять – из наивного стремления разобраться в себе. Эти-то тридцать пять чаще всего и подводили его под монастырь...

Будильник начинал орать и буянить ровно в шесть тридцать. Точнее – будильники. Потому что было их аж целых три! Первый, основной, дремал в засаде, в изголовье, на прикроватной тумбе. Желтый, как цыпленок. Но, дождавшись часа своего, голосил как заматерелый петух... Несколько секунд спустя на подмогу ему приходил дрейфующий неподалеку, в том же квадрате тумбового «моря», мощный айсберг мобиляника. Он взывал корабельной сиреной, вибрируя, бился, как припадочный во время приступа, дрейфуя по полированной поверхности тумбы к самому краю, рискуя однажды навсегда низвергнуться... Последним в дело вступал хитрый и осторожный «японец» – будильник новеньких наручных японских часов Долоты. Будучи «буддистом» по природе своей, был он самым миролюбивым и необременительным – в указанное время деликатно выдавливал из себя двенадцать натужных каловых орешков звуковых сигналов и, с чувством выполненного долга, смолкал до следующего утра, не докучая более хозяину.

Но, если уж быть честным до конца, следует сказать, что герой наш все же почти всегда просыпался сам, минут за двадцать до назначенного срока. Повинуясь внутренним часам.

Просто лежал в темноте и просто думал. Обо всем. О жизни, о предстоящей работе, о том, что нужно обязательно сделать сегодня, а также о том, чего нынче делать нельзя, невозможно ни при каких обстоятельствах...

Остановив «засветлоподъемники», Долота замирал, прислушиваясь к ровному дыханию супруги. Потом аккуратно сползал с дивана, верно служившего в течение последних пятнадцати лет супружеским ложем чете Долот, и тупо топал в ванную... Зарядки он не делал и спортом не занимался. Почему? А с какой стати? Долота давно понял, что если написано на роду умереть здоровым, то и умрешь здоровым, а если же больным – тогда предстанешь перед Всевышним больным. Вот, собственно, и весь выбор. Вся диалектическая правда жизни. Потому что от чего-то ведь все равно рано или поздно умирать придется. А если так, то и дергаться не стоит. В общем, формально являясь христианином (по факту крещения), Долота, конечно же, был ни кем иным как фаталистом. Мало того, догадывался он, что именно фатализм и является той самой фактической, по-настоящему востребованной сердцами и умами, «религией» основной массы россиян: миллионов и миллионов христиан и мусульман, буддистов и атеистов, коммунистов и демократов, записных государственников и прожженных сепаратистов. Почти всех, словом. Потому что в непредсказуемой стране, шарахающейся из одной крайности в другую, быть фаталистом значило дать себе хоть какой-нибудь шанс,

возможность еще потянуть, придержать, как говорится, коた сиюминутной жизни за поганый хвост...

Свежий, как роза майская, прихлебывая на кухне чай (аппетита по утрам почему-то давно уже не было), Долота просмотрел по Первому набежавшие за ночь новости. Удивительное дело, происходило нечто невообразимое, непредставимое: за сутки в стране не разбился ни один самолет, не свалился под откос ни один состав, ни в одном российском городе не обвалились крыши спортивно-развлекательных сооружений, нигде не рванули баллоны с бытовым газом! Даже из Чечни не пришло, ставших уже давно привычными, тревожных вестей!.. Но и это не развело Долоту на эмоции (по большому счету, его давно уже ничего не грузило), лишь заставило в очередной раз выставить жизни высший «катастрофной» бал: затишье это, определенно, было передышкой перед очередными катаклизмами и посему неминуемо должно было вскоре закончиться. К гадалке не ходи...

Николай Петрович машинально оделся и машинально вышел вон. Стоя в коридорном тамбуре, он привычно проверился. Как проверяются разведчики на войне перед выходом на боевое, в тыл коварного врага? Алгоритм проверки был предельно простым, но эффективным. Он включал в себя пять несложных действий – «милиейское» прохлопывание карманов: нагрудных – слева (документы и проездные), справа (карманный компьютер); брючных – слева (ключи, бумажник), справа (сигареты, зажигалка). В завершение Ни-

колай Петрович «справлялся» о наличии на брючном поясе мобильного. Нет, все нормально, все вещи находились на своих законных местах.

Нажав кнопку вызова и пребывая в ожидании, от нечего делать глянул в площадочное окно: на улице было белым-бело, выюжило, снежинки метались, кружились в танце...

Лифта долго-долго не было. Как всегда. Но зато – славы жизнь! – он все-таки работал, горемыка: из лифтовой шахты доносилось грозное гудение, как будто бы там поселился шмелиный рой. Наконец, натружено гудя, спотыкаясь и оставившаяся на всех заинтересованных этажах, татуированный непристойными надписями механический полуинвалид добрался и до Долотиного, предпоследнего.

В лифтовой кабине Долота еще раз мысленно повторял, проделывал в уме ежедневный свой маршрут, такой привычный и непредсказуемый: пешедралом до метро «Юго-Западная», от нее – до «Лубянки» (переход на «Кузнецкий мост»), далее – опять метроредвижение до «Сходненской», потом – автобус до «Братцево». Ибо знать наверняка, в какой точке, где конкретно, тебя подставят, кинут сегодня, какие сюрпризы на сей раз преподнесет дорога – было невозможно. Именно поэтому следовало быть готовым ко всему. Коварный и непредсказуемый Город, предоставляя москвичам возможность жить одним-единственным, сегодняшним, днем, давно уже, по мнению Долоты, вел со своими кроткими и законопослушными насельниками откровенную войну, сечу тайную, битву смутную, необъявленную...

Вообще народишко на Руси изводили («чморили», «гнобили» и тому подобное) издавна. Зато уж – на совесть, основательно. И методично. Истоки традиции этой восходили корнями к далекому прошлому, к временам еще оным, батыевым, и ранее. Кое-кому могло бы показаться даже (западным либералам-чистоплюям, по преимуществу), что пренебрежение материалом человеческим, бессмысленное уничтожение и уничтожение его, вообще является если не основной целью, то, во всяком случае, одним из приоритетов «тре-

тьеримского» царства-государства. А вот взяли бы, да и попробовали бы господ хороших эти поставить себя на место князя нашего средневекового, к примеру, а потом бы – судили да рядили! В момент, когда налогов собрано – с гулькин нос, денег в казне – днем с огнем, бояре – заговоры плетут, братья родные – извести мечтают, татары – ясак требуют, ярлык ханский – намедни закончился, продлевать опять надо, а из командировки в Орду вернешься ли – вещунья надвое сказала, реформы, мать их, буксуют, а Литва – войною грезит и грозит... Когда настроение – ниже носка сапожка ялового. И попробовали бы найти ответ на простой вопрос: чем и как в условиях таких нечеловеческих князю тому самооценку поднять? Как отвлечься от думушек тяжелых? Вот тогда бы, поди, и дошло бы, даже до самых тугих из них, почему, с каких таких коврижек, приходилось руководителям нашим, во главе дружин «при полном доспехе, на ратном коне, под древними великокняжескими знаменами», как писали летописцы, поспешать до Новгород-города, поторапливаться, горлопанов тамошних на колы насаживать, батожком да кнутиком, кнутиком да батожком – работать, и работать, и работать, да дыбкою-матушкой, разлюбезной, не гребовать. Прореживать, пропалывать огородик своенравный свой. А чем еще прикажете развеяться?.. А холопов этих – хрен ли их жалеть-то? Народишко-то, он ведь опять отрастет. Вскоре. На третий день. Что щетина. Как поэт сказал. Оглянуться не успеешь, глядь, опять черно в гла-

зах! Стало быть, не за горами новое прореживание... И – так далее... Или представили бы себя на минуту императором нашим, самодержцем российским... Вот, сделайте милость, господа либералы, встаньте на минутку на место сие высокое. Воссядьте, так сказать, на трон. Попарьтесь под мономаховой... Мысленно, конечно, мысленно... В более поздние, но тоже, как говорится, те еще времена... Что, жарковато стало? Ибо снова в казне – хрен да маленько, дворяне спились – мышей не ловят, Британия из Персий выдавливают. На понт берет, жаба островная! Польша – Огинского в шинках распевает. У Алешеньки вчера из лунки зубной опять кровь остановить не могли. Долго. Повсюду смутьяны и социалисты. Бомбисты. Сергея Александровича, Сережу, Сержа, при срабатывании очередной такой адской машинки разорвало, как лягушку. А реформы, мать их, как им и положено, опять буксуют. Ну как, скажите, императору развеяться? Чем душеньку потешить, как отвлечься от дум тяжких о судьбе отечества любезного?.. А может быть, так: взять да и сгноить под Мукденом, там, или в Порт-Артуре каком тыщ восемьдесят? А то и все сто – «зачморить». Для счету ровного! А то цифра не круглая какая-то получается. Плюс – эскадры две полного штату рыбкам япономорским скормить?.. Или прикиньтесь, критиканы наши непреклонные, на место отца народов нашего. Вспомните хоть бы знаменитое его: «Киев взять к седьмому числу! К празднику пролетарскому! Что-что, маршал, я не расслышал, повтори-

те! Если к седьмому, то цена вопроса двести тысяч, а если недельки через две, то только пятьдесят? Намотайте на ус, генерал-майоришко: только к седьмому! И ни днем позже! Лично ответите! И не считайте потери, через месяц еще армийки три из Сибири нагоним. Да если уж совсем хватать не будет, лагерные шконки перетряхнем, не погребуем, а доберем. А надо будет – и четыре. Кому церковь не мать, тому Бог не отец! А куда его, народец-то, солить, что ли? Этот потрох сучий – коси, не коси – все равно по пояс в нем ходить будешь!»

Примерчики эти, конечно же, можно продолжать и продолжать, но, думаю, что не изменит сути это. Ибо суть – сказана уже.

При этом не стоит забывать, что и другие государства тоже через это проходили. Еще как! Их, голубчиков, также не миновала чаша сия! Только ведь большинство стран, в которых были такие периоды, как-то все же переболели ими, как дети ветрянкой. Или корью. В смысле стойкого пожизненного иммунитета, невосприимчивости к подобным «забавам» в дальнейшем. В отличие от нас, где хворь эта, зараза, болезнь роста, становления (назовите, как хотите), как-то незаметно, но хронизировалась, вошла в плоть и кровь, стала едва ли не нормой... Конечно, случилось так вовсе не потому, что властители и управители наши российские были сплошь и рядом какими-то наособицу уж плохими, злыми, жестокими или мстительными. Нет, нет и нет! Были, были среди них

и не злые, и не глупые, и дальновидные даже...

Лифт судорожно дернулся и остановился. В ноги тупо влилась тяжесть торможения. Долота, даже не глядя на указатель этажей, ориентируясь лишь по времени путешествия, безошибочно определил: восьмой. В лифт неспешно, как челн, всплыла дородная женщина в шубе. Шибанул в нос густой аромат духов. Даже дыхание пресеклось. На секунду. Новоприбывшая ткнула наманикюренным пальцем в кнопку, лифт продолжил свое неспешное организованное падение. Долота снова погрузился в себя...

Так вот, были, были – и справедливые, и государственно-мыслящие. Очень цельные натуры встречались. Но гнобили, меж тем, практически все. Почему? А потому, что ничего другого у них не получалось. В принципе. Так, дребезжанье одно. Или – вообще ничего. Ни разумного, ни доброго, ни вечного. В лучшем случае. Ну хоть ты тресни! Лишь народишко, лишь он один не подводил начальников и вождей своих, переводясь легко, становясь «ничем», как бы играючи, естественно, так сказать. Независимо от способа осуществления. Хоть в темницах гноби дурака, хоть топи, как кутенка, хоть кожу с него с живого сдери иль в печь сунь вместо полена – все одно в масть получалось!

Возможно, что ни в одном государстве на свете властям так лихо не катило. А человек, даже если он руководитель самого высокого ранга, он ведь все равно человек лишь. Грешен и слаб он, и потому всегда стремится повторять и повто-

рять то, что у него получается лучше. Если душевнее всего выходит чморение собственных подданных – значит, ситуация эта и будет воспроизводиться в будущем чаще прочих. С тем же вероятием, с каким, к примеру, солнце восходит на востоке, а заходит на западе. Таковы уж законы психологии, против которых не попрешь...

В свое время, в попытках докопаться до истоков пресловутого российского феномена «народочморения», Доло-та добрался до фольклора даже. До сказки народной про кузнеца-умельца... Помните? Решил однажды сын-кузнец мастерством блеснуть перед батюшкой своим. Пригласил отче в кузенку. Разогнал горны, расплавил руду. И попросил дать ему задание на изготовление любой вещи. На заказ. Отец выбрал борону. Сын, предвкушая успех заслуженный и скорый, горячо взялся за дело свое горячее. Но, как ни тщился, не вышло ничего. Не борона выковалась, а безобразие форменное. Материал только перевел, стервец! Но он оказался человеком упорным, настойчивым и, к чести своей, даже виду не подал. Наоборот, как мог, попытался переломить ситуацию в пользу свою, вновь обратился к отцу с тем же вопросом, что и в первый раз: что, мол, еще сделать? Только теперь – из той, несостоявшейся уже, бороны. Ибо материалу-то другого больше нету. Почесал отец «репу», повертел уродину в руках, прикинул – вроде бы, на лопату материалу еще хватало. Должно было, во всяком случае, хватить. И заказал сынку лопату. Опять затюкал молотом добрый мо-

лодец-удалец, пуще прежнего мехами запыхал. Начал лопату ладить. Но вот беда: и лопата не выковалась! Опять вместо нужной в хозяйстве вещи лишь обрубок уродливый получился. Ни землицы изделием этим не вскопать, ни в овраг выбросить – люди засмеют... Но в третий раз взял слово незадачливый кузнец: «Знаешь, батюшка, а давай-ка, я тебе лучше „пшик“ сделаю, точнее, покажу?» «Как это „пшик“? – удивился отец, но на всякий случай разрешил: – Давай, черт с тобой». А что же, скажите, еще делать ему остается, коль у сына руки не из того места растут? (И отца, кстати, тоже можно понять: родная кровь, как никак). Раскалил «гермес» наш докрасна несостоявшуюся «борону-лопату», прихватил щипцами, да со всего размаху вогнал, жаркую, в кадку с водичей холодной! На контрасте температур сыграл. И не зря, как выяснилось, старался. Огласилась кузня шипением, повелась паром – в двух шагах не видать ни хрена! «Вот, – с гордостью воскликнул сын, когда туманное марево рассеялось, – видишь, какой у меня „пшик“ замечательный вышел! Всем пшикам – пшик!» Чумазое лицо трудоголика, покрытое бисеринками пота, едва ли не сияло от счастья: угодил-таки, справился!..

Примерно так же, по мнению Долоты, обстояло дело и с большинством российских управителей: за какое доброе дело ни возьмутся – все из рук валится. Или перекалят материал, или не дотюкают. Или не раскочегарят, как надо, горн, или рукавицы забудут надеть, руки о заготовку обжи-

гают. Единственное, что лихо получалось в итоге – тот самый «пшик»... Особенно часто сказка эта, с «пшиком», почему-то вспоминалась Долоте, когда наблюдал он из окна кухонного (из него лучше всего видно было) за участвовавшими в последнее время салютами праздничными.

Самое же любопытное заключалось в том, что и народ-то уже как бы и не возражал против экспериментов, которые осуществляли над ним власти, со временем привыкаешь ко всему. К чморению – тоже. Может, это какой-то новый, неизвестный науке, вариант синдрома «стокгольмского»? Смирился, выходит, окончательно. Исправно умирал, ничего не скажешь, как назначено и где велено. По первому, так сказать, призыву. Десятками, сотнями тысяч, миллионами дуба давал. Дуплился, жмурился – любо-дорого посмотреть, голова к голове, ноги к ногам – аккуратно! В отдельные исторические периоды (голь на выдумки хитра) даже в штабели приспособился укладываться сам, заранее, значит, чтоб оставшимся потом с трупами не вожжаться, а то ведь не натаскаешься. При масштабе таком руки отвалятся... Как туда уходил? А по-всякому: и куражно успев рвануть рубаху на груди (на миру и смерть красна), и тихо отходя к деду Кондратию в безбелковых отеках несчетных голодоморов и лагерных дистрофий. Иногда успевая за секунду «до» выкрикнуть: «Да здравствует великий вождь мирового пролетариата дорогой товарищ Сталин!» Но по большей части все же молча. Как и жил... Факелами пылающих

старообрядческих скитов и огоньками папирос следователей НКВД освещающая великую традицию российского «народочмороения». Дальше – больше. С известного времени начал народ даже условно делить чморильщиков своих на условно «хороших» и «плохих». «Плохими» стали те, при которых «ни хрена не прибыло». Ни стране в целом, ни собственному подворью в частности. А «хорошие» – те «чморили», конечно же, не только ради самоутверждения. Еще и приварка какого-то ради. В виде территорий, к примеру. Иными словами, если народишко поморили для забавы барской, для баловства, в общем, это хреново; но вот если человеческий материал пошел впрок, в какое-то осмысленное дело, если потрачен, израсходован был, скажем, на приращение территорий – это уже совсем другой коленкор...

Что еще удивляло Долоту при чтении Карамзина, к примеру? Вселенская отзывчивость населения гнобимого! То, как народишко трогательно, благодарно откликался на любое, пусть даже самое мизерное, но человеческое отношение к себе, платил даже за снисходительные подачки сердцем полным и любовью, помнил о «доброте» той вечно и детям своим помнить завещал. И – детям детей. Даже если речь шла о сущих объедках со стола барского.

Долота долгое время пытался понять, на что же похожа эта самая «отзывчивость»? Потом догадался, что напоминает она ему взаимоотношения барина с побиваемой собакой своей. Ведь точно так же дрожащая всем тельцем сучонка,

наказываемая барином, пытается порой подластиться, подладиться к длани его, карающе воздетой над головой ее ушастой в ходе осуществления экзекуции (а вдруг передумает тот и вместо оплеухи, снизойдя, снисходительно потреплет по холке?).

В этом смысле ничего в истории российской никогда особо не менялось. Единственным отличием текущего момента от эпох, скажем, Иоанна Грозного или Ивана Калиты был выход текущей демографической ситуации из-под контроля, поскольку, если раньше величина необоснованных потерь людских никогда не превышала некоего критического уровня, за которым может начаться физическое вымирание государства, то сейчас, в начале двадцать первого, дождалось, что называется! Другими словами, народишко-то раньше пошустрее был, успевал, сволочь, размножаться быстрее, чем его истребляли. Бей его, режь его, жги – а всё в итоге меньше не становилось. Наоборот, бывало, что еще и прибывало. А теперь – словно бы перерезана оказалась самая важная становая жила, словно бы надломилось что-то в самовоспроизводящем механизме. Захирело население дальше некуда. Вымирать, сука, стало! И радо бы, как говорится, голову свою холопскую на блюдечке очередному царю поднести, поразвлечь на десерт властителя своего, да кончаться стали вдруг сладенькие головы холопы на Руси. Выходило, что едва ли не всех извели. Поэтому-то власти и реагировать стали жестко, негодовать, пенять неблагодарному. Да и как

тут не разгневаться, тут уж любой из берегов выйдет, даже самый благосклонный и снисходительный – единственной ведь радости и смысла существования вознамерился лишить руководителей народец подлый! Игрушки любимой! И народ должен был, обязан был чувствовать себя виноватым. Как, следуя в русле логики данной, должен был ощущать вину свою, к примеру, Мишка из детского стишка – за коварство косолапое свое, за удар, нанесенный неокрепшей психике ребенка вызывающим фактом членовредительского самоуронения на пол. Потому что должны мы, должны – и все тут! – в ответе быть за тех, кого приручили! Кому же теперь мальчик тот лапы отрывать должен? Себе, что ли?.. Остановились на первом.

Долота вышел на улицу и в очередной раз удивился обилию снега. Белым-бело... А еще – и шел, и шел, сыпался с небес... Белый-белый. Долота вспомнил: «И ртом ловлю роскошный снег...» И решил «поймать» вологжанина на слове. Начал ловить... Стоял, как дурак, посреди улицы с открытым ртом. Минуты три. Забыл про работу даже. Несколько снежинок попало. Снег показался доктору на редкость безвкусным, сухим и колючим. Ничего «роскошного» Долота в нем для себя не открыл. Выходило, что присвистнул Николай Михайлович. Эх, Тотьма, Тотьма! Одно слово – поэт.

Какое-то время Николай Петрович торчал возле подъезда, вдыхая полной грудью холодный воздух, удивляясь утру, снегу, радуясь тому, что снег – идет, что сам он, Долота, – жив, что дворник, несмотря ни на что, расчищает, разгребаёт большой деревянной лопатой дорожку, а в детский сад, расположенный по соседству, несмотря на столь ранний час, везут на саночках тепло закутанных детей. И у ребенка, того, в саночках, в руках, прижатых к груди, – машинка яркая, красная. Пластмассовая. Навороченная. В его детстве таких еще не было... В общем, верблюжий караван выставшего за ночь города, понемногу отвоевывая у холодной утренней полумглы жизненное пространство, прогревая, разми-

ная свои натруженные ноги, встал с промерзшей земли и, покачиваясь, неспешно двинулся в очередной свой дневной переход. Двинулся за ним вслед и Николай Петрович. Как подсолнушек за солнцем июльским. К метро...

Он давно уже усвоил правила той незатейливой игры, «чморилки», которую в которую играли со своими гражданами власти. Игра заключалась в том, чтобы говорить одно, но делать – строго противоположное, обратное тому, о чем говоришь. Например, вещать с высоких трибун о необходимости улучшать и повышать уровень жизни населения и, одновременно, неуклонно ухудшать его жизненные условия, за счет, например, не оказания последнему помощи медицинской. Точнее, делая таковую недоступной для наиболее уязвимой, самой неимущей части москвичей – пенсионеров и работников социальной сферы. То есть делая помощь эту условно платной. Последний прием показал свою исключительную эффективность.

Или, принимая постановления и проводя совещания, посвященные проблеме доступности жилья, одновременно вести дело так, чтобы за полгода цены на недвижимость, и без того баснословно высокие, взлетели, как на дрожжах, еще выше поднялись, взмыли, буквально, до небес.

Еще одной эффективной игровой формой стала весьма перспективная шняга под кодовым названием: «Преодолей препятствие, превзойди себя!» Генетически восходила она к хорошо знакомым детским забавам с жуком. Помните, ло-

вится какой-нибудь жук, майский, к примеру, и начинается игра: жука пускают в «свободное ползание». А он и рад, дурак, ползти. По полу. Суть игры заключается в создании препятствий, мешающих свободному передвижению насекомого. Ибо внезапно на пути ползуна возникает некая помеха, преграда, например, кубик или карандаш. Остановленный препятствием, жук начинает «думать»: застывает, как вкопанный, пытается просечь ситуацию, «молится». При этом он смешно и грустно шевелит усиками, потешно складывает передние лапки, словно бы спрашивая своих жучиных божков: «За что вы меня так? Что я вам сделал?» Наконец, так и не дождавшись ответов на поставленный вопрос, несчастливая тварь решается обползти кубик справа или слева. Но, дождавшись, когда истязаемый приблизится к разрешению возникшей проблемы и вырвется на оперативный простор, препятствие тут же переносится. Оно снова и снова устанавливается на пути жертвы. Так происходит до тех пор, пока либо жук не сдохнет, либо юного натуралиста не позовет на кухню бабушка, борщеца отведать наваристого. Или же пока шалуну самому не надоест наблюдать за мучениями жертвы. Последний вариант – самый редкий, поскольку хорошо известно, что аппетит приходит во время еды.

Применительно к Москве, забава данная имеет десятки, если не сотни вариантов и разновидностей. В целях экономии места и времени рассмотрим лишь несколько из них. Итак, вариант первый. Назовем его «С Новым годом!» Глу-

бинный смысл игры заключается в том, чтобы разворошить муравейник людской и посмотреть, что из этого выйдет.

Итак, недели за две (ни в коем случае не раньше) до очередного Нового года начинаются интенсивные земляные работы на территории какого-нибудь отдельно взятого микрорайона. Перекапывается все, что только возможно. Чтобы часами, сутками из подъездов никто не мог носа высунуть, чтобы молодые мамы не отваживались выходить с грудными детьми на прогулки. Это заставляет нервное «жучиное» племя рисковать, нервничать, создает у жертв очередного великого перекопа «праздничный» психологический настрой. В итоге кто-нибудь обязательно сваливается в разъятые ямы, ломает себе руки или ноги, или же, на худой конец, просто обваривается. В кипятке. Еще, хохмы ради, можно «позабыть» об установке ограждений в районе проводимых работ. Это в разы усиливает удовольствие от игры. Умора!

Вариант второй. Прекрасная идея – закрывать переходы между станциями метрополитена, якобы, для ремонта эскалаторов. Выбирается оптимальный временной режим перекрытия. Например, с восьми до десяти утра, когда основная масса спешит на работу. Далее, с десяти до шестнадцати шлюз опять функционирует: основной поток схлынул, людей мало, играть в «чморилку» становится неинтересно, потому что почти некого «чморить». Зато с шестнадцати до двадцати, когда народу в подземке снова как сельдей в бочке, для игрунов вновь зажигается зеленый свет,

шлагбаум шлюзового перекрытия снова опускается. Со смеху лопнуть можно.

Что еще? Да вот, к примеру, сушая мелочь, конечно, а приятно – запретить продавать в метро газетенки и журнальчики. Мало ли что «любимые». Мало ли что «им удобно». «Им удобно» – нам кол осиновый под пятое ребро! И – наоборот. Прикольно!

Только Долоте почему-то было не до смеха. Именно поэтому он мысленно проделывал в лифте маршрут каждодневный свой, силясь, как жук тот, предугадать, понять, где сегодня и в какую еще игру сыграют с ним неутомимые и неисчерпаемые на выдумки «шалуны». Впрочем, с другой стороны, Долота не разделял мнения некоторых злопыхателей, полагавших, что все эти игры – на самом деле и не игры вовсе, а лишь варианты продолжающейся столетия российской традиции «чморения» населения своего. Пускай и самые мягкие, «бархатные»...

Путь к метро лежал мимо студенческих общежитий, двух университетов и рынка. Полдороги – в подъемчик, в горку, остальное – с горочки. Лавируя, закладывая галсы, как заправский сноубордист, Долота продирался между обсидевшими все тротуары и газоны в округе препятствиями, помехами движению, в виде запаркованных легковых автомобилей, периодически «вылетая» в ходе этого головокружительного «драйва» на проезжую часть. Но – упрямо тянул к финишу, как Амундсен к Северному.

Увлеченный игрой этой, он и не заметил, как подошел к перекрестку. Глянул вправо, влево и, выбрав наиболее безопасный момент, молнией сверкнул через дорогу. Или, точнее, пулей выстрелил. А может, просто шмыгнул мышкой юркой. Между летящими, гремящими и несущимися. Проскочил, в общем. Нервы пощекотал.

Разговоры об установке светофора на этом пересечении шли уже несколько лет, но кончались ничем. Ответ был один: «Вот собьют кого-нибудь, тогда и приходите. Особенно если ребенка, там, или группу...» Обнадеживали, в общем. Но дальше разговоров дело не двигалось. А Долота двигался и, спустя некоторое время, уже подходил к «Юго-Западной».

Он искренне считал, что с метро ему очень повезло. Почему? Да потому что стартовая точка транспортной составляющей его ежедневного крестного пути приходилась именно на конечную станцию красной линии. Это было важно. Ибо давало дополнительный шанс занять сидячее место. Правда, раньше, лет двадцать назад, когда Николай Петрович только-только перебрался в Москву из своего провинциального Харькова, имел он еще возможность, по ходу того экстремально небезопасного для здоровья занятия, каким стала теперь так называемая «посадка в вагон», спокойно, по-человечески, войти в голубой. Но времена те безвозврат-

но канули в прошлое. Словно бы и не было их. Да и народ изменился. Давненько Долота не видел, чтобы кто-нибудь кому-нибудь уступал место добровольно. Но он никого не осуждал. Понимал, что, живя в нечеловеческих условиях, сложно оставаться человеком. Поэтому Долота старался выезжать на работу пораньше – народу поменьше и попасть в заветный поезд можно уже со второй попытки. Или же – торчал на платформе, пропуская состав за составом, пока наконец не подфартит.

Сегодня Долота умудрился оказаться в авангарде штурмующих почти сразу же. Правда, для этого пришлось применить разработанное им же «ноу-хау»: специальный прием под названием «штурмовка на ходу еще движущегося». Вообще на творческом счету Долоты было несколько официально зарегистрированных патентов на изобретения, но ни одно из них не имело такого реального практического выхода, как это вот «незаконнорожденное». Дело в том, что закатывающийся на платформу состав в девяти случаях из десяти открывает вагонные двери за секунду или даже полторы до полной окончательной остановки. Делается это не по правилам, конечно, но делается. А что, машинист должен потом век стоять, ожидая, пока вся эта привередливая шобла, все это говно со своими челночными тюками, инвалидными костылями и грудными младенцами на руках в час по чайной ложке просачиваться будет в вагоны, как вода течная в трюмы мрачные? Не князя, перебыются! Машинистов то-

же, кстати, можно понять, у них ведь семьи, а семьи кормить надо. А если на каждой станции годами торчать, чего зарабатываешь-то? В общем, как бы там ни было, эти вот полторы-две секунды зачастую все и решали.

Так случилось и сегодня. Пока все шелкали, мандражировали, примерялись, Долота уже успел на ходу шагнуть внутрь еще движущегося вагона. Далее ситуация резко осложнилась, почти что вышла из-под контроля. Лоханувшиеся и кинутые, как обычно, мстительно решили восстановить справедливость. Вернуть сторицей. Уже в следующую секунду на него со спины обрушился остервенелый град тычков, толчков и откровенных ударов. Его добросовестно пытались оттеснить, отбросить сначала вправо, расплющив, как таракана, о поручни, потом – влево и вниз – под ноги железного потока. Выручил, как всегда, его величество опыт. Долота успел-таки (правда, в самый последний момент) мощным рывком, с нырком вправо, сбросить с плеч преследователей и плюхнуться на ближайшее к нему сиденье. Уже через четыре-пять секунд свободных мест в вагоне не было, да и проходы утрамбовались, заполнились раздраженной неудачей, обозленной на весь белый свет, человеческой слезной массой – неудачниками, всеми этими зализывающими раны и подсчитывающими в уме число оторванных пуговиц, оброненных в азарте перчаток, платков или сумок. Слышалась традиционная тихая ругань.

Подсчитал наскоро, в первом приближении, свои потери

и сам Долота. Выходило по-божески: раза два сильно толкнули в спину, один раз больно ударили по ноге выступающей частью какой-то ручной клади, раза два обматерили... Вроде, все. Нет, день, кажется, задавался. Определенно. Правда, место выбирать уже не довелось, пришлось «втыкаться» в сиденье, расположенное в кормовом отсеке вагона, под самым огнетушителем... Вообще-то Долота не любил эту вагонную «камчатку»: огнетушители крепились плохо, порою срывались, даст такой душой по башке – мало не покажется! К тому же, эти «камчатские» сиденья были обычно вотчиной бомжей, а это тоже, хоть и отдельная, но, что называется, песня. Но сегодня выбирать не пришлось, надо довольствоваться тем, что есть...

Справедливости ради следует отметить, что и москвичам-автомобилистам, а также тем, кто вынужден добираться до работы наземным общественным транспортом, было не легче. Напротив, было явно хуже. По сравнению с ними, считал Долота, пользователь подземки вообще пребывает в раю. Потому что настоящий ад, как ни странно, был там, наверху, на всех этих забитых под самую завязку, переполненных наземных коммуникациях. Многокилометровые пробки, бесконечные аварии, разбитые надежды на хоть какую-то видимость дорожного порядка, лихачи-беспредельщики и женщины за рулем, столь расплодившиеся на московских автомагистралях, сделали жизнь колесных пользователей, по сути, просто не жизнью...

Уже на следующей остановке в вагон метро вкатился, как и следовало ожидать, парень без ног. В инвалидной коляске. Был он, как и положено в таких случаях, в увенчанном знаками воинских отличий камуфляже.

— По-мо-жи-т-и-я, чем мо-жи-е-те, на пр-е-тез не хвата-и-ть, — начал заучено тянуть жилы из пассажиров инвалид.

В вагоне внезапно, как по команде, наступила тишина. Все замерли, как в пионерском лагере во время тихого часа. Помните? В тот самый момент, когда в проеме дверей отрядной спальни, галдящей на все голоса и стоящей на головах, появлялась вдруг, откуда ни возмись, мощная фигура строгой пионервожатой... Почти мгновенно вагон расцвел, запестрел, как луг июльский под Каширой, цветными «парашютиками» книжных обложек, зашелестели, словно бы наполнившись ветром подземным, паруса газет, началось детальное, пристальное изучение настенной и наоконной рекламной информации. Появилось изрядно подзабытое ощущение того, что Долота по-прежнему живет в самой читающей в мире стране.

Однако опытного инвалида на такой примитивной мякине вряд ли кто смог бы провести. Ибо психологическое преимущество было на его стороне. Поколебавшись немного и окончательно убедившись, что никто ничего не даст, Николай Петрович, чертыхнувшись про себя, сунул колясочнику свой дежурный карманный «чирик». Инвалид что-то благодарно прошамкал, качнул головой, и Долота увидел вдруг,

что этот совсем еще молодой, вроде бы, парень был совершенно седым. Как лунь. Это заинтриговало Долоту. Николай Петрович тоже поседел рано. У него это было наследственное. Предрасположенность, в смысле. Мама Долоты тоже поседела в неполные тридцать. И бабушка – примерно в том же возрасте, когда умирала в войну от тифа и доходила от дистрофии. В тридцать с небольшим стремительно начал седеть и сам Долота. И поначалу расстраивался по поводу этому пустяковому. Как в свое время расстраивалась мама его, когда ее, тридцатилетнюю еще, окликая на улице, уже величали «бабушкой». Правда, жена Долоты, Валентина, (конечно же, из желания подсластить мужнину пилюлю седую) утверждала, что седина у Долоты не абы какая, а особая, «благородная», потому что она, седина эта, «в чернобурку», которая, мол, даже к лицу мужчине, в отличие от той противной «седины с желтизной», которая мужчинам и на фиг не идет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.